

Она согнулась в три погибели, прижала сложенные ладони ко лбу и что-то шептала, словно молилась. Из крепко зажмуренных глаз непрерывно катились крупные слезы, а все тело была мелкая дрожь.

Шэнь Цинвэй была в ужасе. Она боялась даже представить, что случилось бы, вернись она сегодня хоть немного позже. Она никогда не думала, что однажды увидит мать, лежащую без чувств прямо перед ней.

В ее сердце родители всегда были несокрушимы. Особенно мать: после смерти отца она в одиночку растила дочь, хваталась за любую работу, несмотря на слабое здоровье, и как бы тяжело им ни приходилось, всегда повторяла: все наладится, все обязательно наладится...

Цинвэй и сама в это верила. Все наладится, жизнь станет лучше, и болезнь матери отступит. Но то, что она увидела сегодня, вдребезги разбило стекло ее надежд.

Чья-то рука опустилась ей на плечо. Шэнь Цинвэй обернулась, крепко обняла Чжао Синюэ и разрыдалась у нее на груди. В конце концов, она была лишь вчерашней студенткой, и как бы ни старалась казаться взрослой и рассудительной, перед лицом беды с самым близким человеком она не могла сохранять спокойствие.

Чжао Синюэ повидала слишком много расставаний с жизнью, и ее сердце давно очерствело, но когда она почувствовала рыдания Шэнь Цинвэй, отвращение к тем идиотам из Небесного двора, принимающим решения через одно место, вспыхнуло с новой силой.

Согласно судьбе, Шэнь Цинвэй должна была прожить жизнь с обоими родителями, но из-за перерождения Чжоу Юнцзя отец Шэнь погиб в автокатастрофе еще до того, как они успели пересечься, а мать, никогда не знавшая болезней, слегла с тяжелым недугом. Чжао Синюэ могла изменить судьбу самой Цинвэй, но была бессильна перед роком ее родителей.

Она знала: этот удар, нанесенный Чжоу Юнцзя, для матери Шэнь — испытание, пережить которое почти невозможно. Не справится — умрет на операционном столе сегодня ночью. Справится — жизнь ее будет недолгой, а лечение потребует баснословных денег. Для матери и дочери оба варианта несли лишь бесконечные страдания.

Но она ничего не могла поделать. Скверна могла убить, но не спасти. Если бы проблема была в душе матери, она бы еще смогла помочь, но против физической болезни она была бессильна. Поэтому сейчас она могла лишь крепко обнимать Шэнь Цинвэй, став для нее опорой.

И все же этот рубеж был пройден.

Когда мать Шэнь, подключенную к аппарату искусственной вентиляции легких, вывезли из реанимации, Шэнь Цинвэй бросилась к ней, ноги подкосились, и она едва не рухнула на пол. Чжао Синюэ подхватила ее. Подхватив, она уже не отпустила, буквально на себе доставив девушку в палату. Благодаря ее вмешательству мать Шэнь положили в лучшую одноместную

палату больницы.

Услышав от врача, что угрозы жизни матери пока нет, Шэнь Цинвэй, сжимая ее исхудавшую руку, беззвучно заплакала. Видя ее состояние, врач вздохнул:

— Придите в себя, я зайду к вам позже.

Зайдет, разумеется, чтобы обсудить расходы на операцию и дальнейшее лечение. Услышав астрономическую сумму, Шэнь Цинвэй почувствовала, как земля уходит из-под ног. Где ей взять такие деньги? Даже если она продаст себя, нужной суммы не наберется!

Вдруг она увидела стоявшую рядом Чжао Синюэ. словно утопающий за соломинку, она вцепилась в ее руку:

— Госпожа Чжао, госпожа Чжао, я знаю, моя просьба нелепа, но не могли бы вы позволить мне взять аванс за двадцать лет работы в Корпорации Чжао? Мне нужно оплатить лечение мамы, у нас больше нет денег, я могу заложить вам квартиру...

Чжао Синюэ и так собиралась одолжить ей денег. Даже если бы Цинвэй не попросила, она бы сама предложила помощь. Рука, которую сжимала Цинвэй, начала болеть. Синюэ с легкой досадой похлопала девушку по ладони и, когда та попыталась опуститься на колени, рывком подняла ее.

— Я не говорила, что не дам тебе денег, — ее слова заставили глаза Шэнь Цинвэй вспыхнуть. — Разумеется, деньги не бесплатные, расписку придется написать. Раз уж ты просишь аванс за двадцать лет, когда маме станет лучше, будем вычитать из твоей зарплаты. Только смотри, когда будешь питаться одной пустой похлебкой, не вздумай называть меня капиталистом, эксплуатирующим рабочий класс.

Шэнь Цинвэй была бесконечно благодарна, что ей вообще согласились помочь. Она часто закивала:

— Не буду, конечно, не буду! Спасибо, госпожа Чжао, спасибо...

Чжао Синюэ сделала пару шагов, обернулась и бросила:

— Чего застыла? Разве тебе не нужны деньги? Или ты хочешь, чтобы я сама пошла оплачивать счета твоей матери?

Шэнь Цинвэй вытерла слезы и выдавила улыбку:

— Сейчас, я сейчас!

У Шэнь Цинвэй не было испытательного срока, она сразу получала полную ставку, и с учетом премий ее доход составлял около десяти тысяч юаней в месяц, что в год равнялось примерно ста пятидесяти тысячам. Но уровень жизни в городе С высок, плюс постоянные лекарства для матери — при ее текущих доходах, чтобы оплатить лечение, действительно пришлось бы просить аванс за двадцать лет.

— Я дам тебе отпуск на месяц, — сказала Чжао Синюэ. — Оставайся в больнице и как следует отдохни. О деньгах не беспокойся, раз уж ты все равно уже залезла в долги на двадцать лет вперед, думаю, не расстроишься, если добавится еще немного. Какой у тебя вичат? Переведу тебе деньги на расходы.

Шэнь Цинвэй не могла выразить свою благодарность словами. Крупные слезы катились по щекам, и любые слова казались блеклыми перед лицом такой доброты.

— Ладно, — нежная рука мягко стерла слезы салфеткой. Шэнь Цинвэй услышала мягкий женский голос: — Ревешь так некрасиво, иди умойся, а то мама проснется и испугается.

Шэнь Цинвэй благодарно улыбнулась, взяла салфетку и бросилась в туалет. Она плеснула в лицо ледяной водой, а снаружи в дверной проем просунулась рука с пачкой салфеток.

— Вытрись, — сказала Чжао Синюэ.

— Спасибо, госпожа Чжао, — тихо произнесла Цинвэй.

Чжао Синюэ усмехнулась:

— Сейчас говоришь спасибо, а потом, когда будешь грызть одни сухари, обзывая меня кровопийцей, вспомню тебе эти слова.

Шэнь Цинвэй прыснула со смеху.

Чжао Синюэ не задержалась в больнице надолго — ее срочно вызвал секретарь. Причина была проста: нагрянула проверка из Управления промышленности и торговли. Говорят, мелкие чиновники хуже демонов, и для такой корпорации, как Чжао, именно такие ведомства — самая большая головная боль. Если кто-то хочет пустить компанию под откос, именно они лучше всех умеют искать зацепки.

Увидев эту делегацию, Чжао Синюэ лишь усмехнулась про себя. Похоже, Чжоу Юнцзя мало преподали уроков.

В частной клинике Чжоу Юнцзя лежал на кровати, а его отец стоял рядом, пылая гневом.

— Папа, ты должен за меня отомстить! — кричал Юнцзя. — Эта женщина Чжао Синюэ — просто нелюдь, бешеная собака, кусает всех подряд! Мало того, что она сделала те снимки, так теперь еще и избивала меня! Не оставляй это просто так...

Отец Чжоу помрачнел:

— Не волнуйся, я уже нанял людей, чтобы устроить ей проблемы. Не верю я, что ее Корпорация Чжао — монолит, в котором нельзя найти ни одной дыры.

А вот тут он ошибался. После прихода Чжао Синюэ корпорация действительно стала монолитом. Не то чтобы в ней совсем не было изъянов — при таких масштабах что-то всегда упускается из виду, — но под управлением Синюэ эти дыры были сведены к минимуму. Люди, которых прислал отец Чжоу, закономерно ушли ни с чем.

Чжао Синюэ предельно вежливо проводила их, заверив, что она — законопослушный гражданин. Проверяющим оставалось лишь скрипеть зубами и натянуто улыбаться, называя госпожу Чжао образцом делового мира. Как только они ушли, Синюэ тут же взяла телефон и отдала приказ своим людям: начинайте искать проблемы у Корпорации Чжоу.

Раз у отца Чжоу есть связи в правительстве, неужели у нее их нет? Ее компания чиста, ей нечего бояться проверок, а вот насчет Корпорации Чжоу такого сказать было нельзя.

Положив трубку, Чжао Синюэ сохраняла ледяное выражение лица. Секретарь стоял рядом, не смея произнести ни слова. Все в компании знали: госпожа Чжао добра, но когда она в гневе, лучше не попадаться ей на глаза.

Чжоу Юнцзя, ну ты и доигрался... Похоже, тебе все еще мало.

Она сосредоточилась. Лежащий на больничной койке Чжоу Юнцзя, только что наслаждавшийся передышкой после приступа боли, вдруг вытянулся в струну, а его лицо начало дергаться в странном ритме.

Отец Чжоу в ужасе закричал:

— Врача! Врача!

Этот кошмар продолжался три дня. Постоянные судороги, невыносимая боль, а врачи не могли найти причину. За эти три дня отцовская любовь отца Чжоу иссякла. Конечно, он не был хорошим человеком, раз вырастил такого сына. Он любил сына, но себя любил больше. Раз врачи не находят доказательств, они не могут подать в суд на Чжао Синюэ. Юнцзя лежит пластом, как калека. Его компании нужен наследник. Раньше Юнцзя, хоть и вел разгульный образ жизни, был здоров и ловок в делах, но сейчас... отец начал задумываться, не пора ли сменить преемника. У него был внебрачный сын, которому как раз исполнилось восемнадцать,

он как раз собирался в университет...

Пора отправить парня в компанию, пусть закаляет характер. Подумав так, он покинул больницу и больше не возвращался, сразу позвонив любовнице, чтобы та привезла ребенка. Женщина, узнав о шансе для сына, завизжала от восторга и расцеловала сидевшего на диване юношу.

— Милый, — ликовала она, — наши лучшие дни начинаются!

Юноша, которого она обнимала, был тонким, с мягкими чертами лица, очень похожим на мать, но мало напоминавшим отца. Услышав это, он тихо улыбнулся:

— Мама, не волнуйся, я обязательно обеспечу тебе достойную жизнь.

Чжао Синюэ наблюдала за этой сценой и едва заметно усмехнулась. Перед тем как покинуть Подземное царство, она изучила биографии всех, кто окружал Шэнь Цинвэй и Чжоу Юнцзя. Личность этого незаконнорожденного сына также была ей известна.

По старой судьбе этот парень должен был появиться лишь после того, как Шэнь Цинвэй вернется на родину с ребенком, когда отец Чжоу уже будет при смерти. Этот старый бабник перед кончиной вдруг ощутил бы вину перед детьми и потребовал бы разделить акции Корпорации Чжоу между внебрачными детьми. Чжоу Юнцзя, привыкший к абсолютной власти, не позволил бы делить свой пирог. Для него эти братья и сестры, хоть и были его кровью, не заслуживали называться семьей. Чтобы удержать акции, он бы уничтожил их всех до одного.

Тот самый парень, которого выбрал отец Чжоу, боролся с Юнцзя дольше всех. Если бы в конце не выяснилось, что он вовсе не родной сын отца Чжоу, половина корпорации действительно могла достаться ему.

Пока Чжао Синюэ вела свою игру с семейством Чжоу, в больнице борьба матери Шэнь с недугом подходила к критической точке.

За дверью операционной послышался знакомый цокот каблуков. Шэнь Цинвэй обернулась и бросилась навстречу спешащей Чжао Синюэ. Она была совершенно беспомощна, деньги на карте почти закончились, и выживет ли мать — зависело от сегодняшней операции.

Чжао Синюэ крепко обняла ее:

— Не бойся!

Но как Цинвэй могла не бояться? Подписывая согласие на операцию, она дрожала всем телом. Состояние матери было катастрофическим: без операции — смерть через пару дней на аппарате ИВЛ. С операцией — огромный риск, шанс успеха пятьдесят на пятьдесят, но если все пройдет удачно, можно выиграть еще несколько лет жизни.

Чтобы снова услышать голос матери, Шэнь Цинвэй решила рискнуть. Подпись на этом документе стала самым важным решением в ее жизни, не считая выбора вуза. Но она все равно боялась. Боялась до дрожи в сердце, что если с матерью что-то случится, она будет жалеть об этом всю жизнь.

И в этот момент пришла Чжао Синюэ. Она не могла объяснить, почему позвонила ей, почему ждала ее у операционной. Она думала, что Синюэ не придет. Но она пришла.

Шэнь Цинвэй, словно семечко одуванчика, подхваченное ветром, наконец нашла опору. Они сидели на стульях в коридоре, и Цинвэй крепко держалась за Синюэ, надеясь почерпнуть у нее силы. Возможно, это самовнушение, но с появлением Чжао Синюэ ей стало легче. Страх отступил.

Семья Шэнь не из трусливых, подумала она. Если бы мать была в сознании, она бы тоже выбрала этот шанс, а не медленное угасание. В конце концов, если жизнь — это сплошная боль, то чего бояться смерти?

Чжао Синюэ не знала, как утешить, поэтому просто держала ее за руку, повторяя:

— Не бойся.

И в этом бесконечном повторении Шэнь Цинвэй почувствовала, как слезы высохли. Она не хотела отпускать руку Синюэ, боясь, что если она это сделает, то снова станет одинокой былинкой, которую уносит в бездонный водоворот.

Минуты тянулись бесконечно.

Дзынь!

Лампа над операционной сменила цвет с красного на зеленый. Дверь открылась. Первой вышла медсестра с суровым лицом:

— Пропустите, пропустите, пациента переводят в реанимацию!

Увидев мать, Чжао Синюэ и Шэнь Цинвэй бросились следом за врачами. У дверей реанимации Цинвэй через прозрачное стекло смотрела на мать, окруженную врачами. Всего за полмесяца она иссохла до неузнаваемости. Щеки ввалились, скулы остро выступали — если бы она не видела каждый день, как болезнь терзает мать, она бы не поверила, что это она.

В памяти Цинвэй мать всегда была красавицей. В молодости она носила платья, которые шила сама, и просила отца фотографировать их на старую камеру.

Врач снял маску и сказал:

— Мы сделали все, что могли. Теперь все зависит от ее организма. Если она переживет ближайшие двадцать четыре часа, худшее позади. Если возникнут осложнения, мы сделаем все возможное.

Шэнь Цинвэй поняла намек. Сдавленным голосом она произнесла:

— Спасибо, доктор, вы очень постарались.

Чжао Синюэ обняла ее за плечи. Следующие двадцать четыре часа она провела рядом с Цинвэй. Она не была человеком, и даже в этом теле ей не требовался сон. Пока тело отдыхало, ее дух следил за состоянием Шэнь Цинвэй. Сама Цинвэй не спала. Они сидели у дверей реанимации, и когда Синюэ дремала, девушка немигающим взглядом смотрела в сторону палаты.

Вдруг Чжао Синюэ почувствовала знакомый ледяной холод. Она открыла глаза и увидела в палате старого знакомого. Призрачный гонец, заметив ее взгляд, широко раскрыл глаза:

— Г-госпожа?

Чжао Синюэ покачала головой. Гонец выглядел крайне смущенным:

— Госпожа, время вышло. Если я не заберу ее душу сейчас, в Подземном царстве меня накажет Владыка.

Чжао Синюэ прошептала в ответ:

— Я знаю, что ты в трудном положении. Ее судьба не была определена поминутно, у тебя есть запас в час. Сделай одолжение, позволь моей подруге попрощаться.

У обычных людей время смерти определено до секунды, но у тех, кто умирает раньше срока из-за влияния злых духов, как мать Шэнь, время смерти более гибкое. Будет ли это в начале часа или в конце — зависело от гонца.

Это не было чем-то невозможным. Гонец снова вошел в палату и слегка коснулся лица матери Шэнь. Мониторы в комнате бешено запищали. Не успела Шэнь Цинвэй опомниться, как врачи и медсестры бросились в палату, задернув занавески.

Руки Шэнь Цинвэй стали холодными как лед. Она вцепилась в руку Чжао Синюэ, и этот холод проникал до самых костей.

— Не бойся, — Синюэ прижала ее к себе.

Шэнь Цинвэй молчала. Хотя она ничего не видела, ее глаза не отрывались от двери реанимации в надежде на добрую весть.

Спустя некоторое время врач вышел из палаты с изможденным лицом:

— Пациентка пришла в себя. Она хочет видеть вас, идите со мной.

— Мама очнулась?! Правда?! — Шэнь Цинвэй расцвела, но, встретив взгляд врача, полный сочувствия, медленно затихла. — Это... это предсмертное озарение?

Врач не ответил, лишь сказал:

— У нее мало времени. Поторапливайтесь.

У Шэнь Цинвэй защемило в груди, она едва не разрыдалась, но крепкая рука Чжао Синюэ придала ей сил.

— Не плачь, — сказала Синюэ. — Сначала иди к ней.

Шэнь Цинвэй яростно вытерла лицо:

— Не буду, я не буду плакать, я буду улыбаться.

Сказав это, она растянула губы в улыбке, которая была страшнее любых слез.

<http://bllate.org/book/21453/2192824>